

Она его читала в сотый раз
И прятала у сердца, под корсетом,

И снова перечитывала, глаз
От смятого листка не отрывая...
Что в нем - пусть будет тайною для нас.

Продолжение стихотворной повести "Горькая ошибка" в следующем номере журнала.

Н.Ф.Левин

А.И.Куприн в Пскове

Кту малоизвестную историю можно назвать не только курьезной, но и полезной для изучения творческого процесса писателя.

Коротким зимним днем 20 января 1910 г. в редакции местной газеты «Псковская жизнь» неожиданно появился столичный литератор Александр Иванович Куприн. О его приезде в Псков там никто еще не знал. Куприну тогда шел сорокавый год. Автор многочисленных повестей и рассказов был уже широко известен и популярен. К тому же оказалось, что Куприн не просто заглянул «на огонек» к псковским журналистам, но и готов предоставить для публикации небольшой новый рассказик, скорее даже лирико-философскую зарисовку.

Газета, естественно, напечатала ее сразу, в ближайшем номере, вышедшем на следующий день, причем на первой странице. Но в дальнейшем этот псковский текст не воспроизводился ни в одном сборнике произведений Куприна и даже не вошел в его полные собрания сочинений. Поэтому повторим его целиком, тем более что это не займет много места.

Левин *Натя* Феликсович - псковский краевед.

«В ТРАМВАЕ (Рассказ А.И.Куприна)

Угол Литейного и Невского.

Суета, толкотня, городской на своем посту. Девки в искусственных боа и горжетках пленяют узывчивыми улыбками Александра Блока (помните? Над улочной, переулочной, золотится крендель булочной)...

В это время я сижу в вагоне трамвая. Старушка, отставной полковник с поперечными погонами, барышня с книжкой под мышкой «La Musigue» и усталый петербургский деятель. (Кто его знает: министр? общественный деятель? Миллюков?)

А я в это время думаю: «Не так ли мы сидим на этом крошечном куске грязи, который называется землей, тыкаемся в проходном коридоре? Ненавидим друг друга впопыхах?»

Потом оказывается, что всем есть место.

Мимоходом мелькает фонарь, и вдруг окно с разводами озаряется оранжевым светом.

Встречаемся без радости, прощаемся без слез.

Но почему здесь суетится кондуктор? И на каждом мне шагу встречается он. Может быть, он чиновник, может быть, он мгновенная власть - но я уйду из трамвая, и люди, давшие мне случайную радость или мгновенную печаль, ушли навсегда, и кондуктор говорит:

- Каменноостровский - у кого синие билеты, выходить.

А там сидела в это время женщина, с такими нежными глазами, что, может быть, судьба моя была в ее руках, но кондуктор сказал - выходите...

Ах, эти нежные глаза, эта женщина с таким красивым ртом, от которого не хотел бы оторваться, но случайный распорядитель моей жизни сказал, что «пора вылезать».

Разминулись трамваи - и красный гудящий вагон пролетел мимо, и - счастье, может быть, самое главное счастье всей моей жизни, ушло...

А.Куприн»

Редакция не ограничилась только публикацией рассказа. В том же № 249 (не следует удивляться такой большой для январского номера цифре: у газеты сплошная нумерация шла от самого начала, с декабря 1907 г.) на второй странице традиционная «Городская хроника»

открывалась сообщением как бы о главном событии дня, занявшим семь коротких строк одного столбца:

«А.И.Куприн в Пскове. Вчера проездом в Ригу остановился в Пскове известный писатель А.И.Куприн. Осмотрев город, г.Куприн вечером посетил нашу редакцию, где в это время готовился очередной номер. В помещении редакции Александр Иванович экспромтом написал для «Псковской жизни» небольшой набросок, который мы и помещаем в настоящем номере».

Таким образом местные журналисты сумели достойно преподнести эту встречу с Куприным. Вместе с тем у читателей должно сложиться впечатление, что писатель специально, преднамеренно сделал остановку в Пскове, чтобы познакомиться с достопримечательностями древнего города. А короткий набросок для газеты сделал, снисходя к настойчивым просьбам собратьев по перу, желавших украсить свое издание новым произведением маститого автора, а заодно поднять авторитет газеты и перещеголять постоянного конкурента - скандальный «Псковский голос», не удостоившийся такой чести.

Это не совсем так и даже совсем не так. В действительности писатель, выехав в Ригу, заранее не собирался останавливаться в Пскове и оказался здесь совершенно случайно. Исследователи творчества Куприна узнали об этом только через полвека из небольшой (в 165 страниц) книги журналиста Николая Константиновича Вержбицкого «Встречи с А.И.Куприным», изданной в Пензе в 1961 г. (Кстати, интерес, проявляемый в Пензе к творчеству Куприна, легко объясним: соседний город Наровчат является его родиной).

Николай Вержбицкий, молодой секретарь редакции известного юмористического еженедельника «Сатирикон», по заданию редактора Аркадия Аверченко впервые побывал у Куприна в том же 1910 г., но позднее, уже после возвращения писателя из Риги. Так что псковский эпизод он описывает со слов и как событие довольно давнее, отчего неточно указал время. Вот дословная выписка из главы «Обаятельный чудак»:

«В 1908 году Куприн отправился из Петербурга в Ригу, где его ждала жена. Велико же было удивление провожавших писателя, когда на другой день из Риги пришла телеграмма: «Муж не приехал, очень беспокоюсь».

Оказывается, Куприн в пути познакомился с каким-то человеком, вообразил, что это старый опытный железнодорожный вор, и решил выведать у него все тайны профессии. Чтобы «развернуть» интересного попутчика, писатель начал его усиленно потчевать, и для этого они выходили почти на каждой станции.

Кончилось тем, что Куприн перепутал поезда и поехал обратно. У него хватило средств только на билет до Пскова, где он и застрял без багажа и без денег. Ночуя на вокзале, Александр Иванович написал рассказ «В трамвае» и утром отнес его в редакцию местной газеты. На полученный гонорар добрался до Риги».

Помимо неточного указания года, здесь можно заметить расхождение с хроникерской заметкой «Псковской жизни» и других мелких деталях: утром или вечером, на вокзале или в редакции Куприн набросал свой рассказ. И не удивительно. Вержбицкий узнал об этом приключении не сразу, а записывал воспоминания через много десятилетий. И все-таки в целом они звучат правдоподобно. Псковский эпизод лишь на первый взгляд кажется случайным. Поведение Куприна в поезде соответствовало его привычкам и жизненным принципам, естественно вписывается в его непростую биографию, в школах не изучаемую и большинству читателей незнакомую.

Отец Куприна, мелкий чиновник, умер через год после рождения будущего писателя. Мать осталась без средств, перебралась в Москву, найдя работу в благотворительных приютах. Там же, во Вдовьем доме, потом в Румянцевском сиротском пансионе, воспитывался ее сын. Затем кадетский корпус, Московское юнкерское училище... И подпоручик Куприн отправляется на Полтавщину в пехотный полк. А его первые литературные опыты увидели свет еще в годы учебы. Но военная карьера не сложилась. Из-за стычки с полицейским, которого Куприн сбросил в Днепр с паромы за приставание к девушке, его не приняли в Академию Генерального штаба, хотя экзамены он сдавал успешно. Отслужив обязательные после юнкерского училища три года, поручик Куприн покинул армию.

И с 1894 г. началась кочевая жизнь журналиста, посылавшего корреспонденции, фельетоны, репортажи, рассказы во многие издания, особенно в киевские газеты. Гонорары были ничтожными, и Куприн брался за любую работу, перепробовал массу профессий. Но не только ради заработка, но и стараясь лучше узнать жизнь, получить побольше впечатлений. Свой главный творческий принцип Куприн сформулировал так: «...видеть все, знать все, уметь все, писать обо всем».

В Ровенском уезде он управлял имением; в Киеве с артелью босляков таскал тяжести, разгружал баржи с арбузами; там же учился зубопротезному делу; в Сумах играл в театре; в Рязанской губернии участвовал в землемерных работах; где-то помогал псаломщику сельской церкви; в Донбассе работал у кузнеца, кладовщиком на одном из заводов Русско-Балтийского общества, вникал в тонкости железодельного

производства, спускался в шахты (и в 1894 г. появилась повесть «Молох»); несколько осенних путин в Балаклаве на веслах ходил с рыбаками в море (отсюда не менее известные «Листригоны»); вместе с Горьким в 1904 г. ходил по трущобам Одесского порта, чтобы понять людей «дна».

«Надо толкаться среди людей», - советовал Куприн начинающему писателю. И сам умел быстро, легко сходить с людьми любых профессий, вести задушевные, доверительные беседы, всегда становился душой компании. Он пробовал на себе многие новинки техники: с водолазом спускался на морское дно, поднимался на воздушном шаре. Увлёкся и авиацией со своим старым другом, цирковым борцом Иваном Заикиным, ставшим пилотом-любителем; потерпел аварию, но оба отделались ушибами. Упал с автомобиля, мчавшегося домой в Гатчину, когда на ходу перебирался к водителю на переднее сидение... Так что у Куприна было моральное право так ответить в 1915 г. на анкету «Журнала журналов»: «Как может поэт, безвыездно живущий в Петрограде и видящий из своего окна соседний брандмауэр, - на этом основании описывать площадь святого Марка, палатцо Дожей, северное сияние и пирамиды Хеопса. Тут неизбежны ошибки самые смешные...».

После всего этого дорожное приключение, приведшее Куприна в редакцию «Псковской жизни», уже не кажется таким случайным и экстравагантным. А опубликованный там рассказ увидел А.М.Горький, внимательно следивший за его творчеством, и откликнулся в письме к А.В.Амфитеатрову: «Недурен поручик Куприн в "Псковском листке"». Однако сам автор очень серьезно относился к своему творчеству и не мог удовлетвориться наброском, наспех сделанным в Пскове. Вместе с тем он не захотел забросить идею наброска: повесть о впечатлениях и раздумьях трамвайного пассажира, сравнивающего живущих на земле со случайными попутчиками, что встречаются без радости и прощаются без слез.

Уже через пару месяцев, (4 апреля) газета «Утро России» напечатала большой рассказ Куприна под тем же названием «В трамвае». В нем лишь слегка проглядывается его псковский прообраз. Значительно увеличился и его объем. В шестом томе первого Полного собрания сочинений Куприна, в 1912 г. в девяти томах выпущенного товариществом А.Ф.Маркса приложением к журналу «Нива», новый вариант рассказа «В трамвае» занял почти полные девять страниц. В нем все обрисовано заново, ярко, емко, по-купрински: зимний петербургский вечер с оттепелью; звуки и движение на центральной столичной улице; дикая, яростная орда, осаждающая трамвайные ступеньки во время остановки и успокоившаяся,

когда все расселись в вагоне, всем нашлось место и можно оглянуться вокруг. Отдельные пассажиры трамвая, лишь упомянутые в псковской зарисовке, получают свои индивидуальные черты.

Отставной полковник оказывается толстым и седоусым, его «вздрагивающие щеки покрыты сетью мелких красных жилок, в ушах вата и на руках вязаные напульсники от ревматизма. Добрый человек, крикун и хлебосол. Любит собственноручно готовить шашлык и вышивает крестиками по канве. Вся жизнь его в прошлом, в службе, и он не прочь приврать о том, как было "у нас в полку"».

У барышни с музыкальной папкой под мышкой «матовая, мечтательная бледность лица, усталые, светлые, многознающие столичные глаза, безмолвная влюбленность в профессора, чувственное влечение к музыке, мигрень, плохой желудок, шоколадные конфеты, неразборчивое чтение и малокровие».

Старушка, только упомянутая в наброске, - «маленькая, толстая. Все ее лицо исчерчено вдоль и поперек морщинами, а губы вечно движутся, точно жуют или шепчут заклинания, а веки подозрительных, живых и быстрых глаз - глаз старой опытной мыши - красны и лишены ресниц». Автор отлично знает таких старушек - сутяг, которых всегда встретишь в суде с векселями, претензиями, жалобами: для них суд, как алкоголь или наркотик....»

В рассказ вплетены и новые персонажи - пассажиры трамвая, очерченные столь же кратко, сочно и иронично:

почтенная дама с пятилетним мальчуганом, на которого она не взяла билет, но заняла отдельное место. «На нем белая шапочка и белое пальто из мохнатого блестящего плюша. Такой прелестный белый медвежонок с розовой мордочкой и умными черными глазками»;

девушка от портнихи с длинным бледным лицом худо кормленного подростка; она сидит на кончике скамьи с картонками на коленях, заняв багажом слишком много места в проходе;

недовольный ими педагог, страдающий расстройством печени;

два подрядчика по малярной или по дровяной части: «На толстых головах картузы; узко прорезанные глаза запухли от сна и жира». Оба - посетители бегов и трактиров, оба - деспоты в семьях, оба способны задавить человека, как муху, за копейку, и притом отличные патриоты и набожны, строго соблюдают посты.

Но лиричнее и подробнее, чем других, Куприн раскрыл милый образ женщины с нежными глазами из псковского наброска:

«В самом углу, слегка прислонившись к стенке, полузакрыв глаза, спрятав руки в муфточку из серенького, шелковистого, нежного шин-

шила, сидит дама или девушка, с милым-милым, ласковым лицом, созданным для улыбки счастья. А против нее златокудрый, румянощекий студент; у него ясные голубые глаза, облик красивого, простоватого и бойкого деревенского парня, но при этом - тонкие, изгибисто вырезанные, породистые ноздри. И вот я вижу, как он и она невинно и невольно ищут взглядом друг друга, встречаются на миг, точно нечаянно, глазами и сейчас же разбегаются, и опять сталкиваются, и опять уклоняются куда-то в сторону. Старая, как мир, знакомая каждому, наивная, прелестная игра!

Но все пассажиры хранят упорное, настороженное, подозрительное молчание... Нет! Будь в моей власти, и не бойся я наскочить на оскорбление, я бы оживил их всех... А красивой девушке с муфтой и студенту, что сидит напротив, я сказал бы:

- Дети мои, вот я вижу, вы нравитесь друг другу - отчего бы вам не заговорить тут же, попросту, сердечно и весело.

Но кондуктор просовывает голову в вагонную дверь и возглашает:

- Бассейная улица!

И студент вышел, бросая последний робкий взгляд на соседку. Мне кажется, я вижу, как грудь его под форменным пальто незаметно, но глубоко вздыхает. Он выходит. Трамвай трогается. А дама поворачивается к окну, быстро протирает маленькой рукой в желтой шведской перчатке черное вспотевшее окно и глядит на улицу.

Милая барышня с серебристой муфточкой! Клянусь вам, что жизнь страшно коротка. Теперь, в вашем возрасте, вы и представить себе не можете, до чего она мгновенна. Вы не бойтесь, я не скажу пошлой фразы резервного поручика: «а потому надо пользоваться ею вовсю» или «а потому надо брать от нее все, что можно»... О, нет, человеку надлежит быть целомудренным в любви, верным в дружбе, милостивым к больному и падшему, ласковым к зверям. Но если сердце вдруг неудержимо потянет вас за собой, не противьтесь его чудесной власти, не верьте ни советам дряхлого опыта, ни расчетам, ни принятым обычаям: верьте сердцу и идите за ним. Тело обманет, сердце - никогда.

Остается посоветовать псковичам отыскать в собрании сочинений Куприна полный текст этого рассказа, а также убедиться, что в научном комментарии к нему дается ссылка на первоначальный набросок, опубликованный 21 января 1910 г. в газете «Псковская жизнь». Ее редакция, в которой побывал Куприн, находилась тогда, с августа 1908 по сентябрь 1910 гг., в доме Батова по Архангельской улице. Центральное трехэтажное здание этого обширного домовладения было заложено 4 августа 1896 г. по заказу вдовы псковского купца Рахили Шпаковской

возведено за два строительных сезона по проекту губернского инженера Герарда Фортунатовича Станкевича. На постройку ушло так много средств, что через семь лет хозяйке за долги пришлось уступить свои владения более богатому купцу Петру Батову. Сейчас в доме № 8 по улице Ленина занимаются студенты-политехники.

Основные источники

1. Псковская жизнь. № 249 - 1910. - 21 января.
2. *Вержбицкий Н.К.* Встречи с А.И.Куприным. - Пенза, 1961.
3. *Куприн А.И.* Сочинения в 3-х тт. - Т.1. - М., 1954. - Вступит.статья Корицкой И.В.
4. *Куприн А.И.* Собрание сочинений в 9 тт. - Т.5.-М., 1970. - С.153-159, 409.